

ТАНКИ ПОРТЯТ НАСТРОЕНИЕ

Театр - кабаре «Летучая мышь» — один из самых загадочных в Москве. Театр коммерческий — а скандалов никаких, играют редко, в репертуаре — всего один спектакль. За рубеж не гастроли выезжают редко. Только теперь, через два года после появления театра, появились огромную и интригующую табличку: мол, готовится еще одна премьера. Вот и пришлось выходить на главного — Григория Гурейца.

ТАК уж вышло, что премьера идет через два года. Но ведь у нас же не график... Спектакль «Чтение новой пьесы» прошел на аншлагах, мы его сыграли 135 раз — а это очень хорошая цифра. Обычно сотый спектакль — это лишь воспоминание о первом, и то через много лет...

Когда я только начинал делать свой театр, для меня было совершенно ясно, что кабаре «Летучая мышь» — это стиль и способ жить, возможность лепить свой мир и создавать не только спектакли, но и фильмы, и программы. Вам кажется, что мы два года ничего не делали, в ведь мы сняли фильм — «Танго со смертью». Это уже скорее декадентское кабаре. В начале века очень популярен был такой танец — худой, зализанный,

с маской черепа человек танцует с красавицей. Она то высказывает из его объятий, то снова попадает. Это не сама смерть, но танго с ней, игра. И как нам кажется, этот танец потрясающе точно отражает и то время, и нашу жизнь; невозможность ожидания будущего и в то же время — яростный, дикий азарт...

Но фильм получился грустный, хотя там нет ни холерных баракков, ни насилия... Настроение фильма появляется во время монтажа, а монтировали мы «Танго со смертью» в январе — феврале. Литва, кровь, танки... Монтаж шел по ночам, и мы

— клянусь! — время от времени подходили к окну и проверяли: что, танков нет еще?

— Но вот танки прошли по Москве. Что-то поменяется в новом спектакле?

— Нет. Я еще раз его просмотрел и понял, что менять нечего. Спектакль называется «Я ступлю по Москве». Он о том, чем, безусловно, жила и мучалась наша интеллигенция, — ГДЕ ЖИТЬ. Ведь даже для тех, кто не решал для себя специально этого вопроса, тоже все упиралось именно в это: говорили на улицах, на кухнях... Я всегда относился к идее эмиграции с какой-то безразличностью. Конечно, я не говорю об изгнанных — людях, которые спасли честь, достоинство и жизнь, — в о том, что принято называть эмиграцией посредственности. И в нашем спектакле мы наивно и тщеславно пытаемся доказать, что та прекрасная жизнь, о которой мы мечтаем, — не существует нигде, кроме нашего голодного воображения. И потому — нуж-

но делать этот прекрасный и выдуманный мир самим. Мне приятно, что спектакль был почти готов еще до 19 августа, и теперь настроение спектакля совпадает с общим порывом. Хотя — мы никоим образом не агитируем оставаться здесь. Потому что, кроме любви к отеческим громам, существует еще замечательное человеческое желание жить в другом климате, или в другой архитектуре, или просто в других экономических условиях.

— Существуют ли законы кабаретного спектакля?

— Конечно. Должна быть очень быстрая смена впечатлений: зритель не успеет привыкнуть к одному сюжету, а уже идет следующий. На сцене — феерия, и к концу спектакля возникает ощущение целой жизни, концерта всех времен и народов — и балет, и опера, и джаз, и рок, и черт знает что... У нас в театре каждый день — балетный станок, вокал. Ребята целый год занимаются стилем — грохот стоит страшный...

— А сюжет?

— Сюжет должен быть коротким, лихо закрученным, блистательно исполненным, финал — неожиданный, и в конце в глазах у зрителей должны стоять слезы. Начало — парадоксальное, внутри самого сюжета — намеки, неожиданные совпадения... Кстати, этот переворот был безусловно похож на кабаретный сюжет. Весь день 19 августа ЦТ крутили старый фильм «Только три ночи». Парадокс... Кроме того, может, об этом еще рано говорить, но все было и эстетически, зрелищно великолепно, Удивительная, трогательная нежность... Все сразу разделилось на хорошие и плохие, резко разграничилось подлое и высокое. Как в античной драматургии... И — ни одного сбоя.

— А актеры кабаре?

— Актеры должны быть беззащитными. Никакого нахала, агрессии. Хотя — наш Витя Костромин записался в солдаты, Игорь Угольников — снимал все с ATV, Вадим

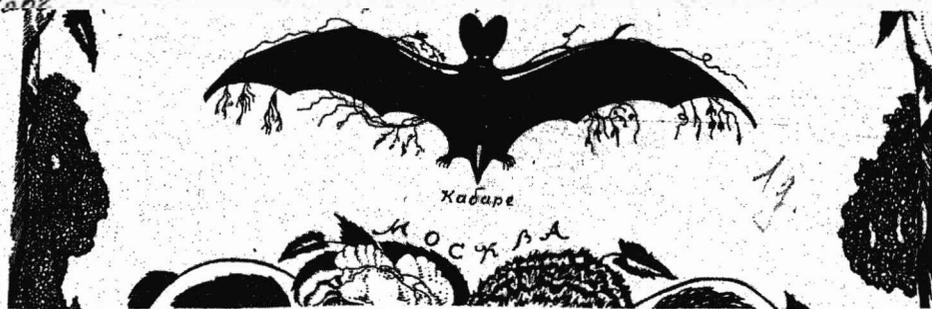
Элик — на баррикадах, Арийс Чумakov был ранен штыком в Форосе...

А если вернуться к законам кабаре... Есть еще один принцип — когда значительность эпизода подчеркивается фигурой исполнителя. Балдея, когда устраивал концертные программы, поступал так же — если в зале был знаменитый человек, то его уговаривали выйти на сцену и что-то сыграть. Рахманинов играл собачий вальс, Шляпин пел куплеты... в нашем фильме, кроме актеров театра, участвуют двое приглашенных — Саша Фатюшин и Андрей Болтнев. У них — эпизодические роли, причем у Болтнева есть пара реплик, а у Фатюшина — ни одной.

— «Летучая мышь» ставит только ваши пьесы?

— Пока это авторский театр. Хотя потом... когда мы заработаем очки, — возможно, будем ставить и классику. Но это все равно будет кабаре.

Мария БОГАТЫРЕВА.

Москва
Штемп - Кабаре
"Летучая мышь"